

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ КЛАУЗА ИЛИ НОМИНАЛИЗОВАННАЯ КЛАУЗА: ДАННЫЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА (КАЗЫМСКИЙ ДИАЛЕКТ)*

Д. А. Бикина, А. М. Старченко

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

В настоящей статье рассматривается синтаксис причастной конструкции, употребляющейся в контексте сентенциальных актантов, в казымском диалекте хантыйского языка. Конструкция похожа на причастную относительную клаузу и имеет в качестве вершины семантически пустое имя *wet* 'дело'. В статье проводится сравнение синтаксических свойств относительных клауз и конструкции с *wet*. Последнюю предлагается анализировать как релятивизацию фактивного аргумента [Davidson 1967].

Ключевые слова: обско-угорские языки, сентенциальные актанты, релятивизация.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году. Авторы благодарны всем сотрудникам Лаборатории по формальным моделям в лингвистике НИУ ВШЭ за их комментарии при обсуждении работы, в особенности А. А. Козлову, А. Б. Летучему, Т. Н. Филипповой и А. В. Подобряеву, а также работавшим с ними носителям хантыйского языка за их терпение и готовность помочь.

RELATIVE CLAUSE OR NOMINALIZED CLAUSE: THE EVIDENCE FROM KAZYM KHANTY^{*}

Daria Bikina, Aleksey Starchenko

National Research University Higher School of Economics

This study concerns the syntax of participial sentential complements in Kazym Khanty (Ob-Ugric < Uralic). Most of sentential complementation in Kazym Khanty is done by means of a construction that is akin to relative clauses. This construction has a semantically vacuous noun *wer* 'deed' as its head. In this article, we compare the syntactic behaviour of relative clauses and sentential *wer*-complements. The latter are analyzed as relativization of a factive argument in the Davidsonian sense [Davidson 1967].

Keywords: Ob-Ugric, sentential complementation, relativization.

^{*} The research has been conducted within the NRU HSE Program of Fundamental Research in 2019. We are grateful to all the members of the NRU HSE Formal Models in Linguistics Laboratory for their comments, especially to A. Kolzov, A. Letuchiy, T. Philippova, and A. Podobryaev. We would also like to thank our language consultants for their patience and willingness to help.

1. Введение

В языках Сибири причастные формы часто являются контекстно-ориентированными: они способны релятивизовать практически любую синтаксическую позицию [Pakendorf 2012; Shagal 2017]. Подобным образом ведут себя и причастия в казымском диалекте хантыйского языка — для релятивизации с помощью нефинитной стратегии доступен необычайно широкий набор синтаксических позиций. Примеры (1) и (2) иллюстрируют релятивизацию подлежащего и адъюнкта соответственно.

- (1) *in ari-ti ewi aškolaĵ-ən rəpit-ł*
сейчас петь-NFIN.NPST девушка школа-LOC работать-NPST[3SG]
'Девушка, которая сейчас поёт, работает в школе.'

- (2) *ma śat'śaś-əm nəm-ł-əŋe*
я дед.по.отцу-POSS.1SG помнить-NPST-3SG.O

łatł par-əm χatł
война умереть-NFIN.PST день
'Мой дед помнит день, когда кончилась война.'

Конструкция, похожая на нефинитное относительное предложение, используется и в контексте сентенциальных актантов некоторых предикатов. В качестве вершины конструкции выступает семантически «пустое» существительное *wer* 'дело', модифицированное причастной формой. В примере (3) дано употребление такой конструкции в качестве актанта глагола *wə-ti* (знать-NFIN.NPST) 'знать'. Далее мы будем называть эту конструкцию **аналитической номинализацией**.

- (3) *aś-ət wə-ł-łe ruχ-ət kaša łew-əm wer*
отец-POSS.3 знать-NPST-3SG.O мальчик-POSS.3 каша есть-NFIN.PST дело
'Отец знает, что мальчик съел кашу.'

В настоящей статье мы покажем, что аналитическая номинализация также является относительной клаузой, а именно представляет собой релятивизацию фактивного аргумента. Мы опишем синтаксические свойства аргументной и неаргументной релятивизации и продемонстрируем, что аналитическая номинализация подчиняется тем же ограничениям, что и релятивизация подлежащего или прямого дополнения.

Наше исследование опирается на материал казымского диалекта хантыйского языка¹. Все примеры были собраны авторами в ходе экспедиций в с. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа в 2018–2019 гг. Предложения получены методом элицитации, если не указано иное.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 изложены основные сведения о маркировании актантов в финитной клаузе в хантыйском языке. Раздел 3 посвящен основным свойствам нефинитных относительных предложений в казымском хантыйском: рассмотрим свойства двух причастных форм и набор синтаксических позиций, доступных для релятивизации. В разделе 4 мы кратко осветим свойства аналитической номинализации. Раздел 5 посвящён синтаксическим свойствам, разграничивающим аналитическую номинализацию и относительные предложения. В разделе 6 изложен предлагаемый нами анализ аналитической номинализации. Заключительный раздел суммирует основные положения статьи, а также освещает вопросы для дальнейших исследований.

2. Маркирование актантов в финитной клаузе

Прежде чем перейти к обсуждению особенностей причастия и номинализации, нам потребуется охарактеризовать систему маркирования в финитной клаузе в хантыйском.

В казымском диалекте хантыйского языка существительные имеют три морфологических падежа: немаркированный номинатив, датив *-a-* и локатив *-(ə)n-*. Подлежащее непереходного глагола и оба аргумента переходного глагола (а также посессор и зависимые послелогов) имеют немаркированную форму; бенефициант, цель и реципиент маркируются дательным падежом [Каксин 2010: 82–84]. Местоимения также имеют три падежа: номинатив, аккузатив и датив — и не имеют локативных форм [Каксин 2010: 90]. При нейтральном порядке слов объект предшествует глаголу.

Также в хантыйском языке есть два типа залоговых альтернатив. Первый традиционно называют пассивным залогом, второй мы будем называть продвижением в прямой объект.

Пассивный залог представляет собой подъем одного из аргументов глагола в позицию подлежащего и в финитной клаузе сопровождается при-

¹ Далее для краткости мы иногда будем отсылать к исследуемому идиому как к «хантыйскому».

соединением к глаголу показателя *-a(j)- / -i(j)-*. Исходное подлежащее при этом маркируется локативом. Предложение (4b) представляет собой пассивную клаузу, соответствующую (4a).

- (4) a. *аҥк-эм* *атр-эм* *ҕарэт-ҕэҥе*
 мать-POSS.1SG собака-POSS.1SG кормить-NPST-3SG.SG
- b. *атр-эм* *аҥк-эм-эн* *ҕарэт-ҕа*
 собака-POSS.1SG мать-POSS.1SG-LOC кормить-NPST-PASS
- ‘Мама кормит мою собаку.’ {a = b}

Процесс пассивизации в хантыйском языке в значительной мере связан с явлениями уровня информационной структуры. Так, И. Николаева показывает, что в обдорском диалекте хантыйского топик может стоять только в позиции подлежащего [Nikolaeva 2001: 24–25]. Этой же особенностью обладает пассивный залог и в казымском диалекте хантыйского языка. При переводе предложений с пассивным залогом мы будем стараться отразить описанную особенность семантики этой категории, в том числе и в ущерб наличию в русском переводе пассивного залога, использование которого в русском языке не так прямо связано с информационной структурой предложения.

Продвижение в объект — залоговая альтернатива, состоящая в подъеме определённого типа аппликативных участников в позицию дополнения (пермутатив в терминологии [Мельчук 2004]; также для хантыйского используется термин секундативное маркирование [Bárány 2018]). В хантыйском эта залоговая альтернатива не выражена каким-либо показателем на глаголе, но сопровождается обязательным согласованием сказуемого с поднятым объектом [Каксин 2010: 145]. Исходный объект получает локатив. Для продвижения в объект требуются специфичные дискурсивные условия: поднимающийся объект должен занимать информационно-структурную позицию вторичного топика [Nikolaeva 2001].

- (5) a. *ур-эм* *атр-эм-а* *ҕиҥи* *тӕ-s*
 сестра-POSS.1SG собака-POSS.1SG-DAT мясо дать-PST[3SG]
- b. *ур-эм* *атр-эм* *ҕиҥи-эн* *тӕ-s-ҕе*
 сестра-POSS.1SG собака-POSS.1SG мясо-LOC дать-PST-3SG.O
- ‘Моя старшая сестра дала моей собаке мяса.’ {a = b}

Продвижение в объект может происходить одновременно с пассивизацией, в этом случае исходный бенефициант становится в синтаксическую позицию подлежащего, а как исходное подлежащее, так и исходное дополнение получают локативное маркирование:

- (6) *atr-ɛt* *ɯr-ɛt-ən* *ńuχij-ən* *mǎ-s-i*
 собака-POSS.1SG сестра-POSS.1SG-LOC мясо-LOC дать-PST-PASS
 ‘Моя старшая сестра дала моей собаке мяса.’

3. Относительные предложения в хантыйском языке: основные свойства

В хантыйском языке большинство зависимых предложений образуется при помощи одной из двух нефинитных форм — причастия не прошедшего времени с показателем *-ti* (NFIN.NPST) и причастия прошедшего времени с показателем *-ɛt* (NFIN.PST). Эти формы служат и для образования относительных предложений. Относительные клаузы являются строго препозитивными (7), а также обязательно имеют выраженную вершину (8):

- (7) **ewi* *in* *ari-ti* *aʂkolaj-ən* *rəpit-ɨ*
 девушка сейчас петь-NFIN.NPST школа-LOC работать-NPST[3SG]
 Ожидаемое значение: ‘Девушка, которая сейчас поёт, работает в школе.’

- (8) a. *ɨɲɟət-ti* *χə* *ar* *wə-ɨ*
 читать-NFIN.NPST человек много знать-NPST[3SG]
 b. **ɨɲɟət-ti* *ar* *wə-ɨ*
 читать-NFIN.NPST много знать-NPST[3SG]
 ‘Тот, кто читает, много знает.’ {a = b}

Для обдорского диалекта казымского языка было отмечено, что практически любая синтаксическая позиция может быть релятивизована при помощи причастных форм [Nikolaeva 1999: 76]. Это отчасти верно и для казымского диалекта. Для релятивизации доступны следующие позиции:

— подлежащее:

- (9) *χot-ɨ* *tiniɟ-ɛt* *jaj-ɛt* *sərxatɨ* *woʂ-a* *mǎn-s*
 дом-POSS.3 продать-NFIN.PST брат-POSS.1SG Сургут город-DAT уйти-PST[3SG]
 ‘Мой брат, который продал свой дом, уехал в Сургут.’

— прямой объект:

- (10) *aś-εm* *ari-ti* *ar* *χuram-əŋ*
отец-POSS.1SG петь-NFIN.NPST песня красота-PROP
'Песня, которую поёт мой отец, красивая.'

- (11) *śat'śaś-εm* *ʔət-əm* *pāsan* *ta* *nuχ*
бабушка.по.отцу-POSS.1SG купить-NFIN.PST стол я вверх

təŋ-s-εm
вытереть-PST-1SG.SG
'Я вытер стол, который купила моя бабушка.'

— адьюнкты, исходно кодируемые локативом² — например, обстоятельства с ролью инструмента или места:

- (12) *aŋk-εm* *χɪʔ* *tām* *kešij-ən* *ńaχs-əʔ*
мать-POSS.1SG рыба этот нож-LOC чистить-NPST[3SG]
'Мама чистит рыбу этим ножом.'

- (13) *aŋk-εm* *χɪʔ* *ńaχəs-ti* *keši* *pāsan-ən* *uʔ*
мать-POSS.1SG рыба чистить-NFIN.NPST нож стол-LOC спать.NPST[3SG]
'Нож, которым мама чистит рыбу, лежит на столе.'

- (14) *mašaj-en*³ *wənt-ən* *ʔomt-əs*
Маша-POSS.2SG лес-LOC потеряться-PST[3SG]
'Маша заблудилась в лесу.'

- (15) *mašaj-en* *ʔomt-əm* *wənt* *šik*
Маша-POSS.2SG потеряться-NFIN.PST лес густой
'Лес, в котором Маша заблудилась, густой.'

— посессор:

- (16) *χiʔ-eʔ-aʔ* *amńa* *woš-ən* *wəʔ-ti* *pirəs* *iki*
внук-POSS.3-PL Амня город-LOC быть-NFIN.NPST старый мужчина

tām *χot-ən* *wəʔ*
этот дом-LOC быть.NPST[3SG]
'Человек, чьи внуки живут в Казыме, живёт в этом доме.'

² В редких случаях возможна также релятивизация адьюнктов, оформленных послелогоми; здесь мы такие случаи не рассматриваем.

³ Посессивный показатель второго лица единственного числа имеет дискурсивную функцию и маркирует определенность, а также систематически возникает на личных именах.

- (17) *ńawrɛm-ɫ-aɫ* *wɔn* *woʃ-a* *mǎn-ɛm* *pirás*
 ребенок-POSS.3-PL большой город-DAT уйти-NFIN.PST старый
- iki* *tǎm* *χot-ɛn* *wɔɫ*
 мужчина этот дом-LOC быть.NPST[3SG]
- ‘Человек, чьи дети уехали в Белоярский (букв. ‘большой город’), живёт в этом доме.’

Как видно из примеров (1) и (9)–(17), причастия непрошедшего и прошедшего времени не различаются с точки зрения набора синтаксических позиций, доступных для релятивизации.

В некоторых случаях релятивизация может происходить из предложения с пассивным залогом. Причастные формы являются нейтральными по отношению к залого — то, что релятивизация произошла из пассивной клаузы, видно исключительно из маркирования субъекта локативом. Так, пример (18) является пассивным аналогом примера (11) — единственное различие между ними состоит в маркировании субъекта.

- (18) *śat'śaś-ɛm-ɛn* *ɫɔt-ɛm* *pǎsan* *ma* *nuχ*
 бабушка.по.отцу-POSS.1SG-LOC купить-NFIN.PST стол я вверх
- mɔŋ-s-ɛm*
 вытереть-PST-1SG.SG
- ‘Я вытер стол, который купила моя бабушка.’

Позиция непрямого дополнения не доступна для релятивизации напрямую. Единственным способом релятивизовать эту синтаксическую позицию является её предварительное продвижение в объект. Это следует из обязательного локативного маркирования исходного прямого дополнения в подобном относительном предложении:

- (19) a. *ɯp-ɛm* *ńuχij-ɛn* *mij-ɛm* *amp* *nuχ* *amt-ɛs*
 сестра-POSS.1SG мясо-LOC дать-NFIN.PST собака вверх радоваться-PST[3SG]
- b. **ɯp-ɛm* *ńuχi* *mij-ɛm* *amp* *nuχ* *amt-ɛs*
 сестра-POSS.1SG мясо дать-NFIN.PST собака вверх радоваться-PST[3SG]
- ‘Собака, которой моя старшая сестра дала мяса, очень обрадовалась.’ {a = b}

Исходный субъект также может быть понижен до локативного маркирования:

- (20) *up-ɛm-ən* *ɲuxij-ən* *mij-əm* *amp* *ɲux*
 сестра-POSS.1SG-LOC мясо-LOC дать-NFIN.PST собака вверх
- amt-əs*
 радоваться-PST[3SG]
 ‘Собака, которой моя старшая сестра дала мяса, очень обрадовалась.’

Примечательно, что из пассивной клаузы можно релятивизовать только пассивный субъект (бывший прямой объект). Релятивизация адъюнкта из пассивной клаузы невозможна, несмотря на то, что соответствующее финитное предложение является грамматичным:

- (21) *χɪʔ* *anjɪk-ɛm-ən* *tām* *keʃij-ən* *ɲaxəs-ʔ-a*
 рыба мать-POSS.1SG-LOC этот нож-LOC чистить-NPST-PASS
- ‘Мать чистит рыбу этим ножом.’ (букв. Рыба чистится мамой этим ножом)

- (22) **anjɪk-ɛm-ən* *χɪʔ* *ɲaxəs-ti* *keʃi*
 мать-POSS.1SG-LOC рыба чистить-NFIN.NPST нож
- pāsən-ən* *uʔ*
 стол-LOC спать.NPST[3SG]
- Ожидаемое значение: ‘Нож, которым мама чистит рыбу, лежит на столе.’

Кроме того, при продвижении непрямого дополнения в прямое невозможна релятивизация никакого иного участника, кроме продвинутого. Так, невозможна релятивизация адъюнкта из предложения с продвижением непрямого дополнения в прямое:

- (23) a. *petʹaj-en* *maʃaj-en-a* *lipət* *ʔət-əm* *χatʔ*
 Петя-POSS.2SG Маша-POSS.2SG-DAT цветок купить-NFIN.PST день
- b. **petʹaj-en* *maʃaj-en* *lipət-ən* *ʔət-əm* *χatʔ*
 Петя-POSS.2SG Маша-POSS.2SG цветок-LOC купить-NFIN.PST день
- ‘день, в который Петя купил Маше цветы’ {a = b}

Релятивизация субъекта из предложения с продвижением в объект возможна, но затруднена (24). Предположительно, затруднения связаны с информационно-структурными требованиями к продвижению в объект, несовместимыми с релятивизацией иного участника, кроме продвинутого.

- (24) [?]*netxujat* *lipət-ən* *ən* *mojt-əm* *ewi*
 никто цветок-LOC NEG дарить-NFIN.PST девушка
- xoŋar-a* *pit-əs*
 слеза-DAT статья-pst[3sg]
- ‘Девушка, которой никто не подарил цветы, расплакалась.’

Таблица 1 суммирует набор позиций, доступных для релятивизации, и маркирование аргументов в разных случаях.

Таблица 1. Доступность релятивизации и маркирование аргументов

Релятивизируемая позиция	Падеж подлежащего	Падеж прямого дополнения	Падеж непрямого дополнения
Подлежащее	—	аккузатив [?] локатив	датив
Прямое дополнение	номинатив локатив	—	датив
Непрямое дополнение	номинатив локатив	локатив	—
Адьюнкт	номинатив	аккузатив	датив
Посессор	номинатив	аккузатив	датив

Прежде чем перейти к описанию аналитической номинализации, следует упомянуть о следующем свойстве нефинитных относительных клауз: вершина относительного предложения согласуется с его нелокативным субъектом. Такое согласование обязательно, если субъект выражен личным местоимением, и опционально в иных случаях. Так, в следующем примере вершинное имя имеет обязательный посессивный показатель первого лица, отсылающий к местоименному субъекту относительного предложения:

- (25) а. *ma* *ʔət-əm* *ŋaŋ-əm* *jitəp*
 я купить-NFIN.PST хлеб-POSS.1SG новый
- б. **ma* *ʔət-əm* *ŋaŋ* *jitəp*
 я купить-NFIN.PST хлеб новый
- ‘Хлеб, который я купил, свежий.’ {a = b}

И. Николаева [Nikolaeva 1999: 80–88] объясняет этот факт тем, что нефинитные относительные клаузы исторически восходят к ассоциативным посессивным конструкциям. Соположение двух имён с посессивным маркированием на вершине может кодировать не только значение обладания,

но и более периферийные («квази-посессивные») отношения. В задачи этой статьи не входит более подробное рассмотрение характера этого согласования; отметим лишь, что «номинативный» субъект, контролирующий согласование на вершине, действительно является посессором, проявляя соответствующие синтаксические свойства [Bikina 2019: 5.1]. Таким образом, возможность номинативного субъекта внутри относительной клаузы в случае хантыйского языка не означает наличия большого объёма синтаксической структуры у относительной клаузы (например, проекции CP или TP).

4. Аналитическая номинализация

Поскольку безвершинные относительные предложения в казымском хантыйском языке невозможны, причастные формы сами по себе не могут выступать в аргументной позиции. Если глагол имеет валентность на ситуацию, то ситуативный аргумент образуется с помощью конструкции со вспомогательным словом *wɛr* ‘дело’, которую мы называем аналитической номинализацией.

Конструкция похожа на относительное предложение и состоит из причастия непрощедшего или прошедшего времени и семантически пустой вершины *wɛr* ‘дело’:

(26) *ma wə-s-ɛm tām aj ikij-en mǎnɛt*
я знать-PST-1SG.SG этот маленький мужчина-POSS.2SG я.DAT

lipət mojlǎ-ti wɛr
цветок дарить-NFIN.NPST дело

‘Я знала, что мальчик подарит мне цветы.’

(27) *tāta jɪŋk uw-əm wɛr ma wə-ɫ-ɛm*
здесь вода течь-NFIN.PST дело я знать-NPST-1SG.SG

‘Я знаю, что здесь текла вода.’

Аналитическая номинализация может быть образована от любых предикатов, как контролируемых, так и не контролируемых (26)–(27). В том числе она может быть образована от глагола с тем же лексическим корнем:

(28) *ɬnw wɛr-ti wɛr-ɫ mǎnɛta jām*
он(а) делать-NFIN.NPST дело-POSS.3 я.DAT хороший

‘То, что он(а) делает, для меня хорошо.’

В клаузе номинализации могут происходить залоговые альтернации. Точно так же, как и в причастной клаузе с релятивизованным аргументом, они в номинализации не получают маркирования на глаголе, а представляют собой только мену диатезы: подъем дополнения в позицию подлежащего или непрямого дополнения в позицию прямого. Так, в примере (29) исходный субъект маркирован локативом, что свидетельствует о пассивном залогe:

- (29) *ʔəχs-εm-ən* *kinška* *wɨj-ʔ-əm* *wεr*
 друг-POSS.1SG-LOC книга брать-FREQ-NFIN.PST дело
- wə-ʔ-εm*
 знать-NPST-1SG.SG
 ‘Я знаю, что книгу брал мой друг.’

Продвижение в объект также совместимо с аналитической номинализацией. В предложении (30) локативное маркирование получает и подлежащее, и исходное прямое дополнение, что говорит о понижении синтаксического статуса обоих этих участников. Исходное не прямое дополнение, в свою очередь, повышает свой статус до подлежащего. В следующем примере это видно из согласовательного показателя первого лица единственного числа на вершинном имени и локативного маркирования пониженных аргументов:

- (30) *aj* *ikij-en-ən* *lipət-ən* *mojʔ-ti*
 маленький мужчина-POSS.2SG-LOC цветок-LOC дарить-NFIN.NPST
- wεr-εm* *wə-s-εm*
 дело-POSS.1SG знать-PST-1SG.SG
 ‘Что мальчик подарит мне цветы, я знала.’

Как и в относительном предложении, местоименный субъект в аналитической номинализации вызывает обязательное согласование на вершине конструкции. При неместоименном субъекте согласование возможно, но не обязательно:

- (31) а. (~~ʔw~~)⁴ *ńawrεm* *ʔomat-tə-ti* *wεr-ʔ* *ma* *wə-ʔ-εm*
 он(а) ребенок одевать-TR-NFIN.NPST дело-POSS.3 я знать-NPST-1SG.SG

⁴ Опускание местоименного субъекта при сохранении согласования не влияет на интерпретацию предложения.

- b. **ʃiw* *ńawrem* *ʃomat-tə-ti* *wer* *ma* *wə-ʃ-em*
 он(а) ребенок одевать-TR-NFIN.NPST дело я знать-NPST-1SG.SG
 ‘Я знаю, что он(а) одевает ребенка.’ {a = b}

Тем не менее, как в относительных клаузах, в номинализации A/S-участник⁵ находится в синтаксической позиции посессора [Starchenko 2019].

- (32) *waśaj-en* *kinška* *ʃunt-əm* *wer-ʃ* *učit'el'*
 Вася-POSS.2SG книга читать-NFIN.PST дело-POSS.3 учитель

imij-ən *wə-ʃ-i*
 женщина-LOC знать-NPST-PASS
 ‘Учительница знает, что Вася прочитал книгу.’

В следующем разделе мы рассмотрим различия в синтаксических свойствах относительных предложений и аналитической номинализации и покажем, что последняя имеет общие свойства с релятивизацией аргументов, но не с релятивизацией адьюнктов.

5. Относительные предложения vs. аналитическая номинализация: основные различия

Аналитическая номинализация и причастные относительные клаузы отличаются рядом синтаксических свойств. В настоящем разделе мы представим ряд таких различий. В частности, мы суммируем особенности залоговых альтернатив нефинитных форм (5.1), рассмотрим различия в том, какие именные модификаторы допускают вершина относительной клаузы и номинализация (5.2), а также состав адвербиальных модификаторов, которые способны к ним присоединяться (5.3).

5.1. Залоговые альтернативы

Как мы показали в разделе 3, релятивизация может происходить из пассивной клаузы, но в пассивной клаузе доступным для релятивизации является только субъект (исходный прямой объект). Релятивизация более низких позиций (например, адьюнктов) в пассивной клаузе невозможна. Продвижение в объект также совместимо только с релятивизацией аргументных позиций — прямого дополнения (исходного непрямого дополнения) и, в некоторых случаях, субъекта.

⁵ Имеется в виду нелокативный участник — чей синтаксический ранг не понижен в результате пассивизации.

В свою очередь, в клаузе аналитической номинализации возможна как пассивизация, так и продвижение в объект, а значит, она проявляет свойства релятивизации аргумента и не может рассматриваться как релятивизация какого-либо адьюнкта. С другой стороны, все ядерные аргументы глагола обычно присутствуют в номинализованной клаузе (см., например, (26) с подлежащим и прямым и косвенным объектом) и, соответственно, не релятивизованы.

5.2. Именные модификаторы

Именные модификаторы в казымском хантыйском языке присоединяются к существительному строго слева и располагаются в следующем порядке:

- (33) посессор / указательное местоимение >
 > числительное / прилагательное⁶ >
 > неоформленное имя⁷

Причастие ожидаемо не ограничивает набор зависимых, которые могут быть у имени, к которому оно относится. Существительное, модифицированное относительной клаузой, способно присоединять прилагательное (34), числительное (35), указательное местоимение (36)⁸. При этом прилагательные и числительные могут располагаться только между причастием и вершинным именем.

- (34) *jaj-əm* *ākt-əm* *wuśrem-əŋ* *mərəχ* *ńut-s-əm*
 брат-1SG собирать-NFIN.PST горечь-PROP морошка растирать-PST-1SG.O
 ‘Я растёр горькую морошку, которую собрал мой брат.’

- (35) *aŋk-əm* *kat’aj-en* *jont-əm* *χəłəm* *jernas* *tinij-əs*
 мать-1SG Катя-2SG шить-NFIN.PST три платье продавать-PST[3SG]
 ‘Моя мама продала три платья, сшитые Катей.’

⁶ В том числе существительное с атрибутивизатором.

⁷ Мы не рассматриваем неоформленное имя в этом разделе, так как оно не может присоединяться к номинализации по семантическим причинам, и поэтому разница в его употреблении не может говорить о синтаксических различиях причастной клаузы и номинализации.

⁸ На употребление одновременно указательных местоимений и относительных клауз существуют дополнительные ограничения (см. [Bikina 2019: 80–81]), однако для настоящего исследования они не релевантны.

- (36) *tām aŋk-εm łət-εm ńań jɪłəp*
 этот мать-1SG купить-NFIN.PST хлеб новый
 ‘Этот хлеб, который купила моя мама, свежий.’

В отличие от вершины относительного предложения, аналитическая номинализация может присоединять только модификаторы высокого уровня — например, указательные местоимения:

- (37) *waśaj-en tām tərəm łor-aj ǎŋχ-εm*
 Вася-POSS.2SG этот Нумто-DAT идти-NFIN.PST

wεr-ł ma wə-ł-εm
 дело-POSS.3 я знать-npst-1sg.sg
 ‘Я знаю об этой поездке Васи в Нумто.’

Прилагательные не могут модифицировать конструкцию с *wεr*. В общем случае в хантыйском наречия образуются от прилагательных при помощи показателя датива — и в примере (38) мы видим, что допустима только наречная модификация:

- (38) а. *ma wə-ł-εm maśaj-en təs-a*
 я знать-NPST-1SG.SG Маша-POSS.2SG умелый-DAT

jak-ti wεr
 танцевать-NFIN.NPST дело

 б. **ma wə-ł-εm maśaj-en təs*
 я знать-NPST-1SG.SG Маша-POSS.2SG умелый

jak-ti wεr
 танцевать-NFIN.NPST дело
 ‘Я знаю, что Маша умело танцует.’ {a = b}

Числительные также не могут присоединяться к аналитической номинализации:

- (39) **waśaj-en tərəm łor-a jǎŋχ-εm wet*
 Вася-2SG Нумто-DAT идти-NFIN.PST пять

wεr-ł ma wə-ł-εm
 дело-POSS.3 я знать-npst-1sg.sg
 Ожидаемое значение: ‘Я знаю, что Вася пять раз ездил в Нумто.’

Как уже было сказано, посессор, будучи синтаксической позицией, в которой находится подлежащее нефинитных форм, может присоединяться (и делает это в большинстве употреблений этих конструкций) и к вершине причастия, и к номинализации.

Данные о зависимых, которые могут присоединяться к аналитической номинализации и к вершине относительного предложения, суммированы в таблице 2.

Таблица 2. Именные модификаторы

	номинализация	вершина ОП
прилагательное	—	+
числительное	—	+
посессор	+	+
указательное местоимение	+	+

5.3. Адвербиальные модификаторы

Номинализация и причастная клауза показывают разное поведение относительно того, какими наречиями они могут быть модифицированы. Так, в номинализованной клаузе возможно использование различных временных наречий, относящихся к структурному уровню TP по [Cinque 2005]. В частности, в составе аналитической номинализации возможны наречия *iməttijən* ‘однажды’ и *jəxət* ‘потом’:

(40) *waʂaj-en* *iməttijən* *tərəm ʈor-a* *jǎŋx-əm*
 Вася-POSS.2SG однажды Нумто-DAT идти-NFIN.PST

wɛr-ʈ *ma* *wə-ʈ-ɛm*
 дело-POSS.3 я знать-NPST-1SG.SG

‘Я знаю, что Вася однажды ездил в Нумто.’

(41) *waʂaj-en* *jəxət* *tərəm ʈor-a* *jǎŋx-əm*
 Вася-POSS.2SG потом Нумто-DAT идти-NFIN.PST

wɛr-ʈ *ma* *wə-ʈ-ɛm*
 дело-POSS.3 я знать-NPST-1SG.SG

‘Я знаю, что Вася потом поехал в Нумто.’

В свою очередь, относительные предложения допускают использование временных наречий ограниченно:

- (42) ?? *amp-ən imətijən pur-əm aj ik-en*
 собака-LOC однажды укусить-NFIN.PST маленький мужчина-POSS.2SG

juł-ən oməs-ł
 дома-LOC сидеть-NPST[3SG]

Ожидаемое значение: ‘Мальчик, которого однажды укусила собака, сидит дома.’

- (43) **ma wənt-ijət-ł-əm up-əm jəxət*
 я учиться-FREQ-NPST-1SG сестра-POSS.1SG потом

wənt-ijət-ti aškolaj-ən
 учиться-FREQ-NFIN.NPST школа-LOC

Ожидаемое значение: ‘Я учусь в школе, в которой потом будет учиться моя сестра.’

Таким образом, данные о наречной модификации свидетельствуют в пользу того, что номинализованная и относительная клаузы имеют разный объём структуры.

6. Аналитическая номинализация как релятивизация фактивного аргумента

Итак, аналитическая номинализация совместима с любым типом залоговых альтернатив. Этим она похожа на релятивизацию подлежащего или прямого дополнения: залоговые альтернативы могут предшествовать релятивизации исходного субъекта или субъекта при пассиве. Другие же свойства аналитической номинализации (доступность именной и адвербиальной модификации) отделяют этот класс конструкций от релятивизации любого типа. Таблица 3 суммирует свойства релятивизации аргумента, релятивизации адьюнкта и аналитической номинализации.

Мы полагаем, что конструкции с *weg* представляют собой релятивизацию, но релятивизацию особого типа — её мишенью является фактивный аргумент (в понимании [Davidson 1967; Parsons 1990]). Мы рассматриваем фактивный аргумент как семантический элемент, который вводит фактивную пропозицию. Мы предполагаем, что фактивный аргумент располагается в некоторой проекции выше уровня TP. Из-за такой позиции фактивного аргумента его релятивизация требует сохранения большего объема глагольной структуры, чем релятивизация других аргументов, поэтому аналитическая номинализация оказывается совместимой с большим количеством адвербиальных модификаторов.

Таблица 3. Релятивизация аргумента/адьюнкта vs. аналитическая номинализация

	Релятивизация аргумента (SU, DO)	Релятивизация адьюнкта	Аналитическая номинализация
Залоговые альтернации	+	—	+
Модификация прилагательными и числительными	+	+	—
Модификация временными наречиями	—	—	+

Предложенная нами гипотеза объясняет характер взаимодействия залоговых альтернаций и релятивизации: из пассивной клаузы или клаузы с продвинутым объектом возможна релятивизация аргумента, но не адьюнкта. Релятивизация адьюнкта, в свою очередь, является отдельной конструкцией и, скорее всего, адьюнгируется к главной клаузе.

В хантыйской аналитической номинализации фактивный аргумента поднимается из зависимой клаузы подобно любой другой мишени релятивизации и в этой позиции должен быть озвучен. Вершина *wet* ‘дело’, таким образом, представляет собой озвученный фактивный аргумент. По этой причине *wet* ‘дело’ не обладает рядом именных свойств, в частности, не может быть модифицирован прилагательными и числительными. Возможность модификации более высокими именными зависимыми мы предлагаем объяснять тем, что при релятивизации функциональные слои именной группы (начиная с PossP) надстраиваются над глагольной структурой, предоставляя тем самым синтаксическую позицию для подлежащего относительной клаузы, которое, как отмечалось ранее, находится в позиции посессора.

Ещё одним доводом в пользу нашей гипотезы является набор матричных предикатов, сентенциальный актанта которых оформляется при помощи аналитической номинализации. Это в первую очередь фактивные предикаты: *wə-ti* ‘знать’, *nəm-ti* ‘помнить’, *turas* ‘раздражает’, *atəm wəł-ti* (плохой быть-NFIN.NPST) ‘плохо, что’ и т.д.

Наше решение находит параллель в анализе, предлагаемом для сентенциальных зависимых относительных существительных (*attitude nouns*), таких как *claim*, *story*, *belief* и т.п. в английском языке [Nichols 2004; Arsenijević 2009; Moulton 2017]. В этих работах предлагается рассматривать

сентенциальные зависимые относительных имен как релятивизацию фактивного аргумента, несмотря на ряд внешних сходств с сентенциальными комплементами глаголов.

Заметим также, что наш анализ подразумевает одно сильное теоретическое допущение: мы полагаем, что фактивный аргумент может быть подвергнут подъему — в противовес некоторым работам, в частности, [Rothstein 1995]. Различие в материале, который С. Ротстин наблюдает в английском и который мы описали для казымского хантыйского, может быть обусловлено тем, что в хантыйском, в отличие от английского, есть грамматикализованное средство для фонетического выражения поднятого фактивного аргумента. Этот вопрос, однако, требует дальнейшего рассмотрения.

7. Заключение

Таким образом, мы рассмотрели различные типы причастных конструкций в казымском диалекте хантыйского языка: относительные клаузы и конструкцию с вершиной *wer* ‘дело’ (аналитическую номинализацию). Мы показали, что аналитическая номинализация отличается от относительных предложений с точки зрения именной и наречной модификации. Так, вершина аналитической номинализации не может быть модифицирована прилагательными или числительными, а вершина относительной конструкции — может; аналитическая номинализация может присоединять временные наречия, а относительные предложения ограничивают такую модификацию. Несмотря на то, что вершина аналитической номинализации, семантически пустое имя *wer* ‘дело’, не соответствует никакому выраженному аргументу в зависимой клаузе, свойства этой конструкции более напоминают релятивизацию аргумента, чем релятивизацию адъюнкта. В частности, аналитическая номинализация и аргументная релятивизация ведут себя одинаково по отношению к залоговым альтернативам: они оказываются допустимыми в обеих конструкциях и невозможны при релятивизации адъюнкта.

Мы выдвинули гипотезу, что аналитическая номинализация является релятивизацией фактивного аргумента, который присутствует в любом утвердительном предложении. Этот аргумент отвечает за иллюкутивную силу предложения, и при релятивизации должен быть озвучен. Таким образом, в вершине конструкции мы имеем семантически пустое имя, выполняющее исключительно структурную функцию.

Условные обозначения и сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; FREQ — фреквентатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; O — объект; PASS — пассив; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число; PL — множественное число; PROP — проприетив; TR — транзитивизатор.

Литература

- Каксин 2010 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. [Kaksin A.D. Kazymskii dialekt khantyjskogo yazyka [The Kazym dialect of Khanty]. 2nd ed. Khanty-Mansijsk: ITs YuGU, 2010.]
- Мельчук 2004 — Мельчук И.А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / Отв. ред. Храковский В.С. М.: Знак, 2004. С. 286–314. [Mel'čuk I.A. Opredelenie kategorii zaloga i ischislenie vozmozhnykh zalogov: 30 let spustya [The definition of voice and the calculation of possible voices: 30 years later]. 40 let Sankt-Peterburgskoj tipologicheskoi shkole, Khrakovskii V.S. (ed.). Moscow: Znak, 2004. P. 286–314.]
- Михайлов 2018 — Михайлов С.К. Почему хантыйские имена нуждаются в определенном артикле? // Пятнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 22–24 ноября 2018 г.) / Ред. Мищенко Д.Ф. СПб: ИЛИ РАН, 2018. С. 79–81. [Mikhailov S.K. Pochemu khantyjskie imena nuzhdayutsya v opredelennom artikle? [Why do Khanty proper nouns need articles?] Pyatnadtsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 22–24 noyabrya 2018 g.), ed. Mishchenko D.F. Saint Petersburg: ILI RAN, 2018. P. 79–81.]
- Arsenijević 2009 — Arsenijević B. Clausal complementation as relativization. *Lingua*. 2009. Vol. 119(1). P. 39–50.
- Bárány 2018 — Bárány A. DOM and dative case. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2018. Vol. 3(1), 97.
- Bikina 2019 — Bikina D. Syntax of non-finite relative clauses in Kazym Khanty. MA thesis. NRU HSE, 2019.
- Cinque 1999 — Cinque G. Adverbs and functional heads: a cross-linguistic perspective. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Davidson 1967 — Davidson D. The logical form of action sentences // The logic of decision and action / Rescher N. (ed.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1967. Reprinted in Davidson D. *Essays on Actions and Events*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
- Moulton 2017 — Moulton K. Determiners on clauses // A Schrift to Fest Kyle Johnson / La Cara N., Moulton K., Tessier A.-M. (eds.). *Linguistics Open Access Publications*. P. 293–304.
- Nichols 2003 — Nichols L. Attitude evaluation in complex NPs // Formal approaches to function in grammar: in honor of Eloise Jelinek / Carnie A., Harley H., Willie M.-A. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2003. P. 155–164.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. *Ostyak*. Muenchen; Newcastle: Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2001 — Nikolaeva I. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*. 2001. Vol. 39(1). P. 1–50.
- Pakendorf 2012 — Pakendorf B. Patterns of relativization in North Asia: Towards a refined typology of prenominal participial relative clauses // *Clause Linkage in Cross-Linguistic Perspective* / Eds. Volker Gast and Holger Diessel. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 253–283.

- Parsons 1990 — Parsons T. Events in the semantics of English. Vol. 334. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rothstein 1995 — Rothstein S. Adverbial quantification over events // Natural Language Semantics. 1995. Vol. 3(1). P. 1–31.
- Shagal 2018 — Shagal K. Participial systems in Uralic languages: An overview // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2018. Vol. 9(1). P. 55–84.
- Starchenko 2019 — Starchenko A. Periphrastic nominalization in Kazym Khanty. (Talk given at Syntax of Uralic languages (SOUL) 2019, 17–19.06.2019, University of Tartu).

Статья поступила в редакцию 02.10.2019

The article was received on 02.10.2019

Дарья Александровна Бикина

стажёр-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Daria A. Bikina

research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

daria.bikina@gmail.com

Алексей Миронович Старченко

студент 3 курса бакалавриата; стажер-исследователь, лаборатория по формальным моделям в лингвистике, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Aleksey M. Starchenko

3rd year B.A. student; research assistant, Laboratory of Formal Models in Linguistics, National Research University Higher School of Economics

aleksey-starchenko@mail.ru